

Гу Цин заметил, что Сяо Мин не переставая вертит в руках поясной мешочек с благовониями, и с легкой, понимающей улыбкой произнес:

— Брось ты его, давай лучше поужинаем.

Услышав это, Сяо Мин послушно отложил вещицу:

— Хорошо!

Он лично принялся накладывать кушанья в чашу Гу Цина. Дворцовые служанки, давно привыкшие к подобным сценам, не видели в этом ничего странного. Разложив еду, они бесшумно удалились за дверь, ожидая дальнейших распоряжений.

Один подавал еду с естественной заботой, другой принимал ее с полным спокойствием. Порой Гу Цин ловил себя на мысли, что Сяо Мин, должно быть, воспитывает его как собственного сына — иначе с чего бы проявлять такую чрезмерную опеку? По правде говоря, ту теплоту, которой он был лишен всю свою жизнь, Сяо Мин теперь старался дать ему сполна, исполняя любое желание.

Их движения были до того слаженными, что казались чем-то самым собой разумеющимся. Однако эту тишину внезапно нарушил резкий, тревожный звук свистка.

Оба замерли.

Лицо Сяо Мина изменилось. Это был особый сигнал для связи с Теневой стражей, который использовали только в экстренных случаях. Если бы не что-то действительно серьезное, его бы не посмели беспокоить. Видимо, крысы решили выбраться из нор.

Он взглянул на Гу Цина, чувствуя неловкость: он обещал провести этот вечер с ним, но теперь, когда случилось такое, он обязан был разобраться лично — иначе не мог быть спокоен.

Гу Цин отставил чашу и посмотрел на него. Он не был человеком, не понимающим важности момента, и сразу осознал, что стряслось что-то неотложное.

— Если есть дела, иди, — мягко проговорил он. — Важные вопросы не терпят отлагательств.

Закончив, Гу Цин встал, прошел во внутренние покои и, достав небольшую шкатулку, вложил ее в руки Сяо Мина.

— Это яды и противоядия, которые я разработал совсем недавно. В красном флаконе — яд, в белом — антидот...

— Береги себя! — он крепко сжал его ладонь.

Дальнейших слов не последовало, но оба всё поняли без лишних пояснений. Сяо Мин ничего

не спросил о том, откуда Гу Цин знает такие вещи. Раз тот молчит, значит, не время; придет день, и он сам всё расскажет. Сяо Мин знал лишь одно: этот человек никогда не причинит ему вреда.

— Не волнуйся, — Сяо Мин кивнул. Подумав о том, насколько сложным будет предстоящее дело, он добавил: — Не жди меня. Если задержусь, то, скорее всего, не вернусь до утра.

Затем он широким шагом направился к выходу.

Эти слова прозвучали так, будто муж давал наставления жене перед уходом. Должно быть, я переутомился, раз мне приходят в голову такие мысли, — подумал Гу Цин, отгоняя прочь нелепые образы.

Он стоял у дверей, глядя, как фигура Сяо Мина растворяется в ночной тьме. Аппетит пропал, и он велел убрать ужин. Слуги внесли поднос с десертами, которые Гу Цин обычно пробовал после трапезы, но сегодня, снедаемый тревогой за него, он лишь раздал лакомства прислуге. Несмотря на веру в способности Сяо Мина, беспокойство не отпускало.

В полумраке темницы мужчина, одетый во всё черное, был крепко связан и покрыт ранами. Трудно было разобрать, что на его одежде — кровь или грязь. Лунный свет, пробивавшийся снаружи, падал на его лицо, придавая ему странное, пугающее спокойствие.

Даже когда кнут, пропитанный соленой водой, раз за разом рассекал его плоть, он не издал ни звука. Казалось, боль причиняли не ему. Он даже нашел в себе силы для дерзости:

— Что такое? Это всё, на что ты способен? Ты что, сегодня не ел?

Такая наглость привела палача в ярость. Он уже замахнулся для нового удара, как вдруг раздался голос:

— Постой.

Услышав этот звук, палач тут же рухнул на колени и прошептал:

— Господин.

Из тени вышла фигура в маске. Каждый шаг этого человека отдавался в тишине, словно удар барабана, заставляя присутствующих невольно затаить дыхание.

Фигура остановилась перед пленником. На глазах у охваченного ужасом мужчины незнакомец медленно достал из-за пазухи до боли знакомый флакон.

— Нет...

Соппротивление было бесполезно.

— Ты ведь знаешь, какая участь ждет предателей? Тебе ли не знать? — он усмехнулся. — Раз ты считаешь, что мой палач плохо пообедал, то вышло очень кстати. Мой питомец тоже проголодался. Стань для него кормом.

— А-а-а! — по темнице разнесся леденящий душу крик. — А-а-а!

— Я скажу! Я всё расскажу!

Но было поздно. Он уже всё выяснил. К предателям он никогда не был милосерден. Я давал тебе шанс, почему же ты им не воспользовался?

Фигура исчезла в темноте, и вскоре в темнице снова воцарилась тишина, словно ничего и не происходило.

Гу Цин полагал, что это пустяковое дело, но всё затянулось. Сяо Мин вернулся лишь спустя три дня.

Как бы тот ни старался скрыть усталость, Гу Цин сразу заметил темные круги под его глазами. Гу Цин тут же распорядился принести горячей воды и еды, отдавая приказы четко и без суеты.

Сяо Мин наблюдал за тем, как Гу Цин хлопочет вокруг него, и неожиданно для себя улыбнулся. Как хорошо. Вся тяжесть последних трех дней, казалось, испарилась в одно мгновение. Стоило ему оказаться рядом с ним, как на душе становилось спокойно.

Даже сейчас Сяо Мин не удержался от шутки, наклонившись к самому уху Гу Цина:

— Ого, господин Гу, какой же вы заботливый.

Гу Цин обернулся и строго посмотрел на него:

— Говори нормально.

Но в глазах Сяо Мина это выглядело лишь очаровательно. Даже когда он сердится, он такой милый! Сяо Мин не сдержал тихого смеха.